

Научная статья
УДК 821.35
doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-171-175

**ПОЭЗИЯ С. МУСУКАЕВОЙ: МОДАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
(материалы к биобиблиграфическому словарю «Карачаево-балкарские писатели»)**

Ф.Т. Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия

Аннотация. Исследованы особенности поэзии С. Мусукаевой: поэтика и философско-гуманистическое начало, апперцептивные и сензитивные модели, эмотивно-модальный характер художественного текста. Сделан вывод о резистентности аксиологической модальности в текстах карачаево-балкарских авторов, тенденции к повышению «смысловости» (М. Меерович). В работе применены гносеологический и герменевтический подходы, произведен краткий литературоведческий анализ.

Ключевые слова: поэзия, С. Мусукаева, модальность, жанры, философский контекст

**POETRY BY S. MUSUKAEVA: MODAL SPECIFICITY
(materials for the biobibliographic dictionary "Karachay-Balkarian writers")**

F.T. Uzdenova

Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The features of S. Musukayeva's poetry are investigated: poetics and philosophical-humanistic principle, apperceptive and sensitive models, emotive-modal character of a literary text. The conclusion is made about the resistance of the axiological modality in the texts of the Karachai-Balkarian authors and a tendency to increase the "meaningfulness" (M. Meerovich). In the work gnoseological and hermeneutic approaches are applied, a short literary analysis was made.

Keywords: poetry, S. Musukayeva, modality, genres, philosophical context

Творчество С. Мусукаевой – заметное явление в современной карачаево-балкарской литературе, вбирает, с одной стороны, сущностные признаки поэзии предшественниц (Х. Байрамукова, Т. Зумакулова и др.), с другой – собственное «прочтение» онтологической реальности и психосостояния лирического героя. «Осмысление» детерминировано уровнем рефлексии. К примеру, отражающие психические процессы и основанные на самоощущении и самоанализе индивида созвучия «Жаланды, / жаланды / жаным, / Мудахды, / мутхузду / тангым» («Обнажена, / обнажена / моя душа, / Исполнено грусти, / пасмурно / мое утро») или «Жалан да кюеди жаным, / Жалан да жарсыйды тангым» («Только душа моя горит, / Только печалится мой рассвет») интроспективны. Для их репрезентации автором широко используются выразительные средства языка: тропы, дескриптивы, сравнительные параллели, экспрессивно окрашенные конструкции-модели. Последние выступают с целью привлечения внимания к позитиву жизни, положительным эмоциям – в противовес ностальгической доминанте: сказанное отчетливо проявлено в элегическом жанре.

Сен кёрмединг тал терекни
Суугъа ийгенин этегин.
Анда жуууна да, ойнай,
Кюннге, таулагъа да къарай,
Ол аллай ариу ийнарла
Тагъады, жазгъа ийнана.
Ты не увидела, как ивушка
Окунула в реку подол свой.
Купаясь, резвясь,
Заглядываясь на солнце и горы,
Она такие красивые песни
Слагает, доверяясь весне.

«Мени ариу чууакъ кёзлюм» («Моя красивая, ясноглазая»)

Исследователь чувашской лирики Ильина Н.Г. определяет подобное состояние как «межсостоянье». «Чем больше этих межсостояний, – пишет она, – тем глубже трагедия, тем острее лирический субъект чувствует разницу между жизнью и смертью» [4, с. 123].

На принципе модальности строятся все сензитивы о родных и близких. В этом ряду «святой» опорой выступает образ матери. «Синева земная» называется цикл стихов, посвященных матери. Одни из них приближены к канонам традиционных плачей-причитаний с характерологической образностью и приемами. В других – столь большая утрата психологически осмыслена лирическим героем: «моя душа осталась без листвы».

В 1998 году выходит в свет книга «Юркген кийик» («Пугливая лань») [7], принесшая ее автору большую популярность и признание читателя. В фокусе – панорама жизни во всех ее проявлениях: с радостями и волнениями, чаяниями и надеждами. Благодарной дочерью гор предстает поэтесса с первых страниц сборника. Избранная форма благопожелания (стилизация под алгыш) свидетельствует о самобытности автора. Поклонение земному, восхваление, благодарение, граничит с образностью, символической направленностью мысли художника. Проводя исторические и мифологические аналогии, апеллируя к мотивам старинных сказаний и народным жанровым формам, к примеру, *кюй* (песня-плач), автор темпорально приближает рамки изображаемых событий, стирая временную грань жизни. Фольклор входит в поэтическую ткань легко и естественно. Стихотворение «Жюрегим ташдан туююлдю» («Сердце мое не из камня») – гимн любви и женской верности (на тему народных преданий о мудрой княгине Гошаях и ее беззаветной любви к Каншаубию).

Надо сказать, в традициях *кюй* сложены многие песни карачаево-балкарцев. К примеру, произведение Аbugали Узденова «Кавказ таула къайда къалдыла...» («Где остались кавказские горы?...») создано в жанре народных *кюй* (близка к *элен* (скорбная песня у казахов):

Кавказ таула къайда къалдыла, джашла,
Къыблагъа къараб сынагъыз,
Джарлы Къарачайны хапарын айтайым,
Эшитгенле бары джылагъыз...
Где остались кавказские горы, парни,
В сторону Къыблы (юг) посмотрите,
Поведаю трагическую историю Карачая,
А вы, слушающие, все плачьте...

В диаспоральной литературе подобные песни (*кюй*) бытуют под названием «Стампулчуланы жырлары». «В песенной культуре мухаджиров каждого кавказского народа одно из главных мест занимают плачи (*кюй*). В них говорится о причинах исхода, о трудностях на новых местах проживания, о неприятии новых обстоятельств и т.д. Тоска по родным местам и близким, оставшимся на Родине, соединяясь с осознанием своей трагической ошибки, создают психоэмоциональный фон произведений» [3, с. 86]. Такого рода синтаксические конструкции, выражающие эмоции, «характерны для устной речи, традиционно представлены в произведениях устного народного творчества и эксплицируют мироощущение этноса. Ср.: Къарачайда суудула от жагъала, // Бар юйледе мыдыхла ёчюлдюле «В Карачае очаги остыли, // Во всех домах огни погасли». В данном примере вербализации подвергается определенный сегмент концепта «огонь (очаг)». Дело в том, что в представлении карачаевцев и балкарцев огонь символизирует жизнь, а потеря его ассоциируется с переходом в новое состояние – смерть. Значит, депортация воспринимается как последнее. В пользу этого свидетельствуют бытующие в народе проклятия типа «Отунг кёмюлсюн!» («Чтобы ты умер! (букв. Чтобы твой огонь погас!)»)» [с. 116].

Поэма С. Мусукаевой на тему выселения «Алма-Ата да чагъадыла алмала» («Зацветали яблони в Алма-Ате») – новое прочтение фактов исторической действительности через призму Памяти – субстантивного ядра, важнейшего духовного концепта. Произведение с большой психоэмоциональной нагрузкой. Две страшные трагедии вобрала судьба героини Фатимат – войну 1941–1945, унесшую жизни ее супруга и четырех сыновей, и выселение [9, с. 130]. Сквозная мысль – нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину.

Умут да, жулдуз кибик батды,
Алай батды жазны ариу кюнюнде.
Туман болуп босагъа ташха жатды,
Тауну, тешню тынгылата кюйюне.
Желание погасло, как звезда
На ясном небосклоне.
Превратившись в туман, распластавшись на камне у порога,
Обратив к своему горю горы и холмы.

На весах – сердце родной Балкарии, оставшееся там, у подножия великого Эльбруса, и благословенная цветущая Алма-Ата. Радужным мостом (связующее между Минги Тау и Алатау) объяты эти два слагаемых понятия «родина» в сознании героини. «Два сакральных пространства не противопоставляются, как «родина-чужбина», а силой эмоционального притяжения горянки, родившейся и живущей в Алма-Ате, стягиваются в единую точку, расположенную в «зоне сердца». Там – земля предков, здесь – казахская родня, могилы родных, поэтому, когда балкарский народ после объявления официальной реабилитации устремляется к исторической родине, героиня в смятении: ей одновременно хочется «и уехать, и остаться». Проблему нравственного выбора автор решает с помощью образа «радуги», которая, став культурным мостом, связывает Минги-Тау и Ала-Тау» [5].

Концепт «тоска» получает эмоциональное наполнение в связи с переживаниями лирического героя. Анализируя поэму О. Хубиева «Блей», один из исследователей поэзии выселения карачаевцев и балкарцев Б. Берберов писал: «...Потеря родины – общая трагедия, одинаково сильно переживаемая героем поэмы и репертиантами Карачая, волею судьбы заброшенными на Ближний Восток» [2, с. 146].

Атала туугъан жерлени сыйларын,
Хурметлерин да туудукъла кёрелле.
Алай а аны керти багъасын узакъдан
Кече, кюн да термилгенле билелле.
Достоинство и честь земли предков (отцов)
Видят потомки.
Но истинную цену ей знают лишь те, кто вдали
Днем и ночью тоскует по ней.
Адилхан Адилоглу (Аппаев) «Журтундан кенгде»
(Вдали от родины). *Подстр. пер.* [1, с. 16]

«Тема раздвоенности чувства – любви к своей исторической родине (влекущая сердцем естественная потребность в воссоединении с нею) и степным просторам, не менее полюбившимся за столь длительное сосуществование – находит выражение, в основном, в творчестве поэтов, которых условно называют «детьми репрессированных родителей». В их числе и автор поэмы «Алма-Атада чагъадыла алмала». Многие из «детей» остались там, «прикипев» к земле, которая и стала для них родиной, ибо другой они не знали, не успели узнать, либо были слишком малы, чтобы помнить. Вернуться на вотчину для них – значит отправиться в ... неизвестность» [8, с. 177].

Поэма С. Мусукаевой – новый неординарный подход к изображению исторической действительности: размышления и чувства автора полностью вытесняют обобщенно-условные семантические периоды универсального плана, представляя читателю акцентированную субъективную интерпретацию описываемого, интерпретацию, исполненную драматических внутренних коллизий, трагичности неизбежного и необходимого духовного выбора.

В этом смысле произведение балкарской поэтессы полностью находится в пределах эволюционного направления, обозначившегося как поворот к индивидуально-уникальной рефлексии, и даже механизмы суггестивной компенсации С. Мусукаевой повторяют ранее разработанные схемы: художественная достоверность поэтического повествования подтверждена обильными фактическими адресациями. Последние выполняют роль не только суггестивных аргументов, но и увязывают ход лирической рефлексии с исторической реальностью.

Поэма вошла в сборник поэтессы «Алпыма къара» («Встречай меня», 2001) [6]. Сюда же вошли неопубликованные стихотворения 1998–1999 годов. Тематически они объединены в разделы: «Къызаргъан кюн, учхан къанатлы» («Покрасневшее солнце, летающая птица»), «Атынгы айтама да сени...» («Говорю твое имя»), «Акъ чакъгъан

болур балли» («Зацвела, наверное, вишня»). В поле внимания – художественно-ценностная картина мира. Абстрагированно-опосредованное отражение действительности имеет место в контексте соответствующих маркированных концептов, запечатленных в названиях произведений («Эс» («Память»), «Белгисизлик» («Неизвестность»), «Къадар» («Судьба»), Тергеу» (Подсчет») и др.).

Поэтесса не дает детализированных характеристик, не углубляется в автобиографическую атрибутику, это, скорее, «умозрения», основанные на ассоциативности и эмпирии. А адресат – в каждой книге поэтессы. (Вспомним стихотворение «Ул-лугъузга, гитчегизге да – насып» («Счастье – всем: и старшим, и младым»), открывающее поэтический сборник «Юрген кийик»). В книге «Аллыма къара» слова благодарности звучат в завершающем стихотворении «Китабымы ахырында» («В окончании книги»):

Ариу сезюм – тангны тазалыгына,
Кюнлюм бетни кюдюре тургъан кюннге,
Къара ташны сылай тургъан аязга,
Жан аурутуп Гошаяхны кюйюне.
Доброе слово мое – чистоте утра,
Солнцу, озарившему южный склон,
Ветру, поглаживающему черный камень,
Сочувствуя горю Гошаях.

В целом творчество автора характеризуется единством и целостностью художественных исканий; глубокое постижение основ психозмоционального в контексте философии жизни определяет тематическую направленность и выбор художественно-стилистических средств и приемов. Модальность не только сохраняет свое присутствие, но и «субъективируется» уже будучи переосмысленной в качестве одного из маркеров этничности текста, иными словами – эволюция художественного мышления национальных авторов в секторе модальных характеристик локализуется, главным образом, в сфере этнокультурного принадежания.

Список литературы

1. Адилхан Адилгоглу (Аппаев) «Журтундан кенгде» (Вдали от родины) // Биттирова Т.Ш. Ата журтну ийнакълап... (С любовью к родине...): сб. стихотворений авторов карачаево-балкарской диаспоры. На балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2014. С. 16.
2. Берберов Б. А. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2011. 215 с.
3. Биттирова Т. Ш. Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик: Печатный двор, 2018. 192 с.
4. Ильина Н. Г. Поэтический мир современной чувашской лирики: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2002. 178 с.
5. Кетенчиев М. Б., Додуева А. Т., Мизиев А. М. Особенности вербализации депортации 1943–1957 гг. в карачаево-балкарской народной лирике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 112–119.
6. Кучукова З.А., Берберов Б.А. Казахстан в исторической памяти карачаево-балкарского народа. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-it/428674/>
7. Мусукаева С. А. Аллыма къара (Встречай меня): стихи и поэма. На балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2001. 304 с.
8. Мусукаева С. А. Юрген кийик (Пугливая лань): стихи. На балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1998. 248 с.
9. Узденова Ф. Т. Художественная концепция человека в балкарской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). Ч. 2. С. 175–178.
10. Узденова Ф. Т. «Человек и родина» в системе ценностных ориентаций // Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 129–132.

References

1. Adilkhan Adiloglu (Appayev) «Zhurtundan kengde» (Vdali ot rodiny) // Bittirova T.SH. Ata zhurtnu iynak"lap... (S lyubov'yu k rodine...). Na balk. yaz. Nal'chik: El'brus, 2014. S. 16.
2. Berberov B.A. Tema narodnoy tragedii i vrozozhdeniya v karachayevo-balkarskoj poezii. Nal'chik: Izd. otdel KBIGI, 2011. 215 p.

3. Bittirova T.SH. Literatura i fol'klor karachayevo-balkarskogo zarubezh'ya. Nal'chik: Pechatnyy dvor, 2018. 192 p.
4. Il'ina N.G. Poeticheskiy mir sovremennoy chuvashskoy liriki: dis. ... kand. filol. nauk. Cheboksary, 2002. 178 s.
5. Ketenchiyev M. B., Doduyeva A. T., Miziyev A. M. Osobennosti verbalizatsii deportatsii 1943–1957 gg. v karachayevo-balkarskoy narodnoy lirike // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. № 1. pp. 112–119.
6. Kuchukova Z. A., Berberov B. A. Kazakhstan v istoricheskoy pamyati karachayevo-balkarskogo naroda. URL: <http://http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-it/428674/>
7. Musukayeva S. A. Allyma k"ara (Vstrechay menya): stikhi i poema. Na balk. yaz. Nal'chik: El'brus, 2001. 304 p.
8. Musukayeva S. A. Yurkgen kiyik (Puglivaya lan'): stikhi. Na balk. yaz. Nal'chik: El'brus, 1998. 248 p.
9. Uzdenova F.T. Chelovek i rodina v sisteme tsennostnykh oriyentatsiy // Gumanitarnyye issledovaniya. 2019. № 2 (70). pp. 129–132.
10. Uzdenova F.T. Khudozhestvennaya kontseptsiya cheloveka v balkarskoy poezii // Filologicheskoye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11. CH. 2. pp. 175–178.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 02.12.2021.